

„Саратовский листок“
1892г., 31 декабря, № 281.

с. 1-2.

ФЕЛЬЕТОНЪ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

На разные темы.

Установился обычай—съ наступленіемъ новаго года оглядываться на истекшій годъ, на пройденный путь, подсчитывать полученные барыши, понесенные убытки, подводить итоги. Обычай очень коронный. Полезно, поучительно и даже необходимо отъ времени до времени возстановлять въ своей памяти совершенныя дѣланія, передуманныя мысли, пережитыя чувства, и вообще пересматривать прошлое, которое, какъ сказалъ кто-то, всегда чревато будущимъ. Знаніе, что бываетъ, можетъ вырасти только на знаніи, что *сдѣлано*. Но, къ сожалѣнію, наши искусственныя дѣленія времени почти никогда не совпадаютъ съ естественными границами жизни и исторіи въ ихъ теченіяхъ. Что новый годъ? Не болѣе, какъ мысленно проведенная линія, съ которою жизнь нисколько не справляется и въ своихъ извѣстныхъ опредѣленныхъ чертахъ свободно переходитъ черезъ всѣ условныя единицы времени, оставляя свое начало въ одномъ десятилѣтїи, а конецъ—въ другомъ. Рѣзкая разница, характерныя отклоненія, крутыя перегибы—все это бываетъ довольно рѣдко; обыкновенно теченіе жизни мѣнитъ свое направленіе постоянно, медленно, незамѣтно, и въ такомъ случаѣ нелегко отличить 92-й годъ отъ предыдущаго.

Нелегко отличить потому, что предѣлы житейскихъ теченій гораздо шире, не укладываются въ принятые нами границы времени и занимаютъ цѣлые периоды лѣтъ, десятилѣтій и даже столѣтій, смотря, такъ сказать, но глубинѣ извѣстнаго теченія. Нелегко еще и потому, что жизнь слишкомъ сложна и все болѣе осложняется. Въ одномъ рассказѣ покойнаго, талантливаго изъ „молодыхъ“ русскихъ беллетристовъ, А. О. Новодворскаго, есть такіа строки: „Я представляю себѣ жизнь въ видѣ безчисленнаго множества ручейковъ, рѣчекъ, потоковъ, текущихъ въ одномъ направленіи... въ океанъ, который ихъ поглотитъ. Они перелетаются, сталкиваются, нѣкоторые временно поворачиваютъ назадъ, образуютъ мимоходомъ стоячія озера, вонючія болота, даютъ множество второстепенныхъ развѣтвленій“... Множество второстепенныхъ развѣтвленій, услѣдить за которыми нѣтъ никакой возможности.

Это о жизни. Но положительно то же самое слѣдуетъ сказать и о литературѣ, важнѣйшая задача которой заключается въ вѣрномъ отраженіи жизни. Тутъ тѣ же „ручьи“, „рѣчки“, „потоки“, и такіа же „стоячія озера“ и „вонючія болота“, образующіяся отъ поворота теченія назадъ. Здѣсь та-же картина движенія иногда вормавстаго и сильнаго, а чаще медленнаго и незамѣтнаго,—картина смѣны отдѣльныхъ литературныхъ явленій и цѣлыхъ направленій, партій, школъ, и тѣмъ крупнѣе литературныя явленія, тѣмъ рѣже они повторяются и тѣмъ незамѣтнѣе ходъ впередъ. Не годами, а десятилѣтїями и даже болѣе

„Саратовский вестник“ 1892, 31 декабря,
№281, с. 1-2.

периодами времени обыкновенно определяется литература данного народа: не годами, а десятилетиями выясняются новые настроения, новые литературные формы, новые отличительные особенности. И следовательно—какие же могут быть литературные итоги за год? Положить, можно подвести, примерно, такие итоги: выдающийся талант г. Короленка по-прежнему остается в числе „подающих надежды“ и по-прежнему скуп; г. Потапенко, теряя в качестве, поражает количеством, необычайною плодотворностью, обилием творений; г. Мачтет гораздо раньше нынѣшняго года выписался из числа „подающих надежды“ и поступил в ряды присяжных поставщиков беллетристики для некоторых изданий, гонящихся за известными именами; г. Ясинский по-прежнему много пишет и мало кѣмъ читается; о гг. Альбовѣ, Баранцевичѣ, Эртелѣ, Саловѣ, Маминѣ и многих других ничего особеннаго не было слышно; появился новый талант, г. Гаринъ, который еще неизвестно что скажет; г. Боборыкинъ по-прежнему „ловит момент“ и иногда съ значительнымъ успѣхомъ; Глѣбъ Успенскій болѣе, Левъ Толстой молчит; поэты Минскій, Фругъ, Фофановъ, какъ и раньше, аккуратно къ выходу книжечекъ ежемѣсячныхъ журналовъ доставляютъ стихотворные переѣвы; поэтъ Мережковскій читалъ лекции о литературѣ и сказалъ, что она у насъ никуда не годится; критикъ „Новостей“ Скабичевскій по-прежнему цитируетъ, цитируетъ и цитируетъ, а отъ себя приба-

вляеть только восклицательные знаки: критикъ Протопоповъ началъ рассказывать о своихъ личныхъ отношеніяхъ, о томъ, какъ г. Волыискій у него благословенія испросилъ, но при этомъ почтенный критикъ ни однимъ словомъ не выразилъ сожалѣнія по поводу печальнаго литературнаго времени, когда молодымъ писателямъ приходится просить благословенія у гг. Протопоповыхъ; философъ Владимиръ Соловьевъ обнаружилъ поэтическое дарованіе и написалъ одинъ мудрой рассказъ; Михайловскій, „Вѣстникъ Европы“ и „Недѣля“ скромно отпраздновали своимъ юбилей; „Пет. Газета“ много напумѣла по поводу своего двадцатипятилѣтія; „Русская Мысль“ по-прежнему цѣнитъ не столько содержание, сколько имена и въ частности имя г. Мачтета; „Сѣв. Вѣстникъ“, напротивъ, наполняется писателями малоизвѣстными и совсѣмъ неизвѣстными, которые однако пишутъ не хуже г. Мачтета; во всякомъ случаѣ журналъ этотъ не умретъ отъ того, что его покинули г-жи Шабельская и Безродная... „Вѣстникъ Европы“, какъ и раньше, твердо держалъ свое знамя въ рукахъ и одинъ подавалъ свой голосъ тогда, когда единомышленники робко молчали; „Русск. Вѣстникъ“ старался поддерживать репутацию журнала, убѣжденнаго въ томъ, что истина и справедливость находится позади насъ; „Наблюдатель“ былъ все такимъ-же необработаннымъ сборникомъ неважной переводной и совсѣмъ слабой русской беллетристики; „Русск. Обзоріе“ никакъ не можетъ занять опредѣленную позицію; „Русск. Богат-

ство перешло в новые руки и обязано быть выдержанным ежемесячным изданием с народническим оттенком; „Гражданин“ по-прежнему видеть спасение в розгах, и сам редактор его с удовольствием подвизался с читателями воспоминаниями о том, как его сбьли и что из этого вышло; почти вся столичная пресса занималась больше-заграничными скандалами, чем вопросами внутренней политики; прекратилось несколько изданий, в том числе кончается свою жизнь почтенный журнал московского юридического общества „Юр. Вестник“; возникло несколько новых; и т. д. и т. д.

Вот какие итоги литературы и журналистики можно было бы дать. Конечно, это только схема, которую требуется еще развить, о каждом писателе и о каждом издании сказать подробнее. Но мы не думаем, чтобы читатель был доволен подобным перечнем почти голых фактов, необработанных цифр, несистематизированных впечатлений. А систематизировать, классифицировать, обобщать нельзя без связи с литературой и журналистикой предыдущих лет; такой же труд потребовал бы и больше времени, и больше места, чем располагаем мы. Поэтому оставим этот мало полезный сырой материал, в котором лучше ту главную, отличительную особенность, ту печать времени, которая лежит на литературе и журналистике наших дней. Сделать это тем более не трудно, что в одном из наших фельетонов мы уже указывали на нее.

Но тут мы позволим себе маленькое уклонение в сторону. — уклонение только кажущееся, а не действительное. В рождественском номере „Нового Времени“ помещен рассказ г. Чехова „Страх“. Суть его в следующем.

Имя Дмитрий Петрович Силин, молодой и образованный человек, прослужив несколько лет в Петербурге, вдруг выдумал заняться сельским хозяйством. Случилось это без какой-либо важной причины, а просто потому, что Силин чувствовал себя в Петербурге не у места и нравственное неудовольствие полагал найти на дель в природе. Сельское хозяйство шло у него, по словам рассказчика (рассказ ведется от первого лица), недурно, хотя и тут Силин казался как бы-то невзвешанным человеком, который по вечерам алачить свое существование изо дня в день. Жена его, Мария Сергеевна, была женщина умная, образованная, прасная, и, конечно, кому-нибудь другому могла бы составить настоящее личное счастье, но только не Силину. Ему всё говорить: „у нас никак немы, предостига дѣти а сами вы прекрасный семьянин“; а он думает: „моя семейная жизнь — одно только печальное недоразумение“. Почему недоразумение? Да потому, что Дмитрий Петрович решительно со женой находится в „недоразумении“, много не покажет, и не знает, что ему надобно делать. Относительно истории своей женой онъ рассказываетъ такъ:

И должна страшно и горючо надо вам сказать, что до свадьбы я любил Маню бе-

„Саратовский листок“ 1892, 31 декабря,

№ 281, с. 1-2.

думно и ухаживал за нею два года. И дала ей предложение пять раз, и она отказывала мнѣ, потому что была ко мнѣ совершенно равнодушна. В шестой раз, когда я, угорьивши отъ любви, позвалъ передъ ней на колѣняхъ и просилъ руки, какъ милостыни, она согласилась... Такъ она сказала мнѣ: „Я васъ не люблю, но буду вамъ вѣрна“. Такое условіе я принялъ съ восторгомъ... Я тогда подумалъ что это значитъ, но теперь, кличу Богомъ, не понимаю. „Я васъ не люблю, но буду вамъ вѣрна“ — что это значитъ? Это туманъ, потемки... — Я люблю ее теперь такъ же сильно, какъ въ первый день свадьбы, а она по прежнему равнодушна. Я люблю и знаю, что люблю безнадежно. Безнадежная любовь къ женщинѣ, отъ которой уже имѣешь двухъ дѣтей! Развѣ это понятно и не страшно? Развѣ это не страшно привидѣній?

Вотъ намъ одно „печальное недоумѣніе“, или, лучше было-бы сказать, „печальное недоумѣніе“. Теперь послушаемъ, какъ Дмитрій Петровичъ рассуждаетъ вообще.

— Скажите, дорогой мой, почему это, когда мы хотимъ рассказать что-нибудь страшное, таинственное, фантастическое, то черпаемъ матеріалъ не изъ жизни, а непремѣнно изъ мира привидѣній и загробныхъ тѣней?

— Страшно то, что не понятно, отъвѣчаетъ мнѣ, рассказывающее о Дмитрій Петровичѣ.

А развѣ жизнь вамъ понятна? Кто боится привидѣній, тотъ долженъ бояться и неба, и этихъ огней, и неба, такъ какъ все это, если вдуматься хорошенько, непостижимо и фантастично не менѣе, чѣмъ выходимъ съ то го свѣта. Я, голубчикъ, не понимаю и боюсь жизни. Не знаю, быть можетъ, я больной, свихнувшійся человекъ. Нормальному, здоровому человеку кажется, что онъ понимаетъ все, что видитъ и слышитъ, а я вотъ утерялъ это кажется. Мнѣ ерундна главный образъ обидѣнница, отъ которой никто изъ васъ не можетъ спрятаться. Я не способенъ различать, что въ моихъ поступкахъ правда

и что ложь, и они тревожатъ меня; я сознаю, что условія жизни и воспитаніе заключили меня въ тѣсный кругъ дѣи, что вся моя жизнь есть не что иное, какъ ежедневная забота о томъ, чтобы обманывать себя и людей и не замѣчать этого. Сегодня я дѣлаю что-нибудь, а завтра ужъ не понимаю, зачѣмъ я это сдѣлалъ. Я вижу, что мы мало знаемъ и поэтому каждый день ошибаемся, бываемъ несправедливы, клеветаемъ, заѣдаемъ чужой вѣкъ. Я, голубчикъ, не понимаю людей. Ничего и ничего я не понимаю.

Рассказъ г. Чехова дальше продолжается въ такомъ родѣ. Пріятель, съ которымъ бесѣдуетъ Дмитрій Петровичъ и который часто бываетъ въ его домѣ, немощно увлекается Марьей Сергѣевной; Марья Сергѣевна, какъ оказалось, давно уже любитъ этого пріятеля мужа, но тщательно прятала свои симпатіи отъ всѣхъ. Дмитрій Петровичъ вполне доверяетъ своей женѣ и пріятелю, и у него не появляется даже мысли о томъ, что Марья Сергѣевна когда-нибудь изменитъ ему. Но такъ какъ страсти плохо вращаются съ дѣлами долга и чести, то въ одинъ прекрасный день Марья Сергѣевна не выдержала, со слезами бросилась на шею пріятелю мужа и объяснила все... Дмитрій Петровичъ узнавъ объ изменѣ жены совершенно случайно и отнесся къ этому вполне по-своему. Прочитавъ на виновныхъ лицахъ друга и жены нанесенное ему оскорбленіе, онъ „не своимъ, а какими-то страннымъ сильнымъ голосомъ“ проговорилъ: — мнѣ, вѣроятно, на роду написано ничего не понимать. Если вы понимаете что-нибудь, то... поздравляю васъ. У меня темно въ

„Саратовскій вѣстникъ“ 1892, 31 декабря,
№281, с. 1-2.

глазахъ.—И онъ висеть“.

Вотъ каковъ Дмитрій Петровичъ. Онъ никого и ничего не понимаетъ, не понимаетъ жизни, не понимаетъ обиденщины, не знаетъ, гдѣ правда, гдѣ ложь, а то „кажется“, благодаря которому люди рѣшительно дѣйствуютъ и какъ-никакъ двигаются впередъ, Дмитрій Петровичъ совсѣмъ потерялъ. Психіатры знаютъ различныя маніи: манію величія, манію преслѣдованія,—но они, кажется, ни однимъ словомъ не упоминаютъ вотъ объ этой новой маніи, т. е., маніи непониманія; они знаютъ болѣзни: боязнь пространства, боязнь времени,—но не знаютъ помѣшательства подъ названіемъ „боязнь жизни“. Это совсѣмъ новая болѣзнь, если только болѣзнь. Можетъ быть, Дмитрій Петровичъ и въ самомъ дѣлѣ больной человѣкъ; можетъ быть, его слѣдуетъ посадить въ сумасшедшій домъ. Очень можетъ быть. Но ужъ это вина г. Чехова, что въ лицѣ Дмитрія Петровича, являющагося „однимъ изъ многихъ“, слишкомъ сгущены краски, слишкомъ сильно подчеркнута особенность того преобладающаго въ современной литературѣ типа, о которомъ мы въ свое время бесѣдовали. Г. Чеховъ сгустилъ или, вѣрнѣе, показалъ крайнюю степень маніи непониманія и вѣчнаго „печальнаго недоумѣнія“, но мы въ состояніи освободить Дмитрія Петровича отъ крайностей и, конечно, тогда получимъ то, что очень распространено въ современной интеллигенціи и въ современной литературѣ, поскольку послѣдняя отражаетъ

настроеніе первой. Устами г. Чехова говоритъ сама дѣйствительность, и дѣйствительность не одного истекающаго 1892 года, а цѣлаго десятилѣтія, цѣлаго литературнаго поколѣнія, извѣстнаго подъ названіемъ „восьмидесятниковъ“. Не въ томъ дѣло, что Дмитрій Петровичъ пересталъ понимать даже такія вещи, какъ измѣна жены, а въ томъ дѣло, что онъ не понимаетъ, гдѣ правда и гдѣ ложь. Въ томъ дѣло, что у чеховскаго героя мѣра, которою измѣряются поступки людей, куда-то затерялась, и тотъ критерій, съ помощью котораго судить, неизвѣстно куда исчезъ. Дмитрій Петровичъ очутился на распутьи... Дорогъ, если хотите, сколько угодно—по любой поѣздай, да только неизвѣстно, куда прѣдешь.

На распутьи,—это то самое слово, которое мы, говоря о повѣсти г. Дѣдова, употребили по отношенію къ писателю „восьми десятникамъ“ и вообще по отношенію къ литературѣ нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Этимъ словомъ, намъ кажется, коротко и ясно опредѣляется, такъ сказать, основной тонъ рѣчи современныхъ беллетристовъ. Быть на распутьи—значитъ прежде всего размышлять, которую изъ дорогъ надлежитъ продолжать путешествіе. Современная беллетристика находится именно въ положеніи размышляющаго, а не двигающагося путника; она нащупываетъ пути, перебираетъ, пробуетъ, критикуетъ и въ концѣ концовъ, какъ Дмитрій Петровичъ, восклицаетъ: „ничего не знаю,

ничего не понимаю!"

Читатель, конечно, видит подведенный нами итог, но, повторяем, это итог не одного 9-го года, а и прочих предыдущих лет: литература *рационализируют*, и ничего не *утверждают*. Об этом мы уже писали и теперь повторять старого не будем. Идеология современных русских беллетристов, преимущественно "восьмидесятников", излюбили тип скептика, тип недоумывающих не понимающих. Тип весьма разнообразный: один не понимает измѣны жены, другой не знает, что правда и что ложь, третий сомневается въ правѣ сомневаться, а чеховскій Дмитрий Петрович со всѣх точек свихнулся и самую жизнь считает вещь довольно рискованной. Дальше ужь, кажется, некуда идти по части возведенія "непониманія" въ перлъ созданія, и литературѣ придется взяться за изученіе характеровъ и типовъ другого сорта. Да и жизнь не замедлитъ представить новыхъ людей, съ инымъ складомъ ума, съ положительными взглядами, съ твердою вѣрой въ будущее. Это непременно должно случиться, ибо сомнѣніе и размышленіе есть только пороги, черезъ которые шагаютъ въ крѣпость. Типъ скептика—типъ переходный, и онъ долженъ уступить свое место типу дѣятеля, вѣрующаго въ идеалъ. Не даромъ г. Боборыкинъ свою послѣднюю повѣсть ("Свѣ. Вѣсти"), гдѣ выводитъ того-же "недоумывающаго", озаглавилъ "Передъ чѣмъ-то"...

Передъ чѣмъ-же?

Покойный А. О. Новодворскій, котораго мы цитировали выше, сказавъ, что жизнь представляется ему въ видѣ ручейковъ, рѣчекъ и потоковъ, далѣе продолжаетъ такъ: "но между ними неизрѣнно есть чистая, серебряная струйка, текущая прамѣ другихъ и по самому удобному мѣсту; она современней сближается главной рѣкой, восторжествуетъ надъ остальными. Въ этой струйкѣ какъ будто сосредоточена идея, логика истории, и кто смѣшалъ ее съ побочными часто грязными течениями, кто, за порядочнымъ гуломъ и хлопотаніемъ, не различилъ ея мелодическаго журчанія и не откликнулся на него,— тотъ даромъ прожилъ жизнь".

Есть такая струйка и въ литературѣ, и когда-нибудь тоже будетъ главной рѣкой. Въ исторіи искусства и беллетристики тогда наступитъ періодъ дѣятельнаго служенія идеалу и открытой борьбы со зломъ. Тогда литература укажетъ и мѣру для изобрѣнія полезныхъ и вредныхъ поступковъ, умныхъ и глупыхъ идей, честныхъ и нечестныхъ стремленій. Критерій будетъ найденъ, сомнѣніе отойдетъ на задній планъ, и живая, энергичная дѣятельность принесетъ плоды. Въ этомъ состоитъ "новое счастье" нашей литературы, котораго мы ей и желаемъ по случаю наступленія новаго года.

К. С.—ск.

